Выступление
представителя Российской Федерации в Шестом Комитете 59-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН М.В.Заболоцкой по пункту 144 повестки дня «Доклад Комиссии международного права»

9 ноября 2004 г.

Г-н Председатель,

В настоящем выступлении хотели бы коротко остановится на трех темах, находящихся на рассмотрении Комиссии, - **«Оговорки к международным договорам», «Односторонние акты» и «Фрагментация международного права».**

Оговорки к международным договорам

Хотели бы выразить признательность Спецдокладчику, проф. А.Пелле за представленный краткий, но содержательный Доклад.

По нашему мнению, заслуживают поддержки принятые Редакционным комитетом в первом чтении формулировки пунктов 2.3.5 «Расширение сферы действия оговорки» , 2.4.9 «Изменение заявления о толковании», 2.5.12 «Снятие заявления о толковании», 2.5.13 «Снятие условного заявления о толковании», проекта Руководства по практике (далее - «Руководство»). С ними у нас пока не возникает особых проблем. То же самое касается предлагаемой Комиссией редакции п.2.6.2 «Возражение против последующего формулирования или расширения сферы действия оговорки», которую, на наш взгляд, можно было бы включить в единое определение «возражения», зафиксированное в пункте 2.6.1 «Определение возражений против оговорок» упомянутого проекта.

Определенные вопросы у нас возникают в связи с пунктом 2.4.10 проекта «Руководства» об ограничении и расширении сферы действия условного

заявления о толковании. Изменение сферы действия условного заявления о толковании может на практике иметь место, очевидно, только после выражения согласия на обязательность договора (окончательность которого и ставится под условие посредством условного толковательного заявления). В случае ограничения сферы действия условного заявления о толковании особых проблем вроде бы не должно возникать. Думается, иначе может обстоять дело, если расширения сферы действия такого заявления. Так, не вполне ясно, что будет происходить с договором при непринятии всеми другими его участниками предлагаемого расширения сферы действия условного толковательного заявления. Не уверены также, что во всех случаях будет очевидно, что заявление государства направленно именно на расширение или ограничение ранее сделанного им условного заявления о толковании. Например, как быть, если заявление содержит как «расширительные», так и «ограничительные» элементы.

В свете сказанного возникает вопрос, насколько предлагаемый режим расширения сферы действия условных заявлений о толковании отвечает интересам обеспечения стабильности правоотношений в рамках договора.

Кроме того, нам кажется не вполне удачной схема, при которой вопрос о правилах, подлежащих применению к ограничению или расширению условных толковательных заявлений, решается путем ссылки на пункт 2.3.5 («Расширение сферы действия оговорки»), которая затем адресует нас к пункту 2.3.1 («Последующее формулирование оговорок»).

Считаем, что определение «возражения на оговорку» должно быть построено и дополнено комментарием таким образом, который бы позволял ясно разграничить правовые возражения на оговорку, и политические заявления, посредством которых государства выражают негативное отношение к оговорке, но которые не имеют правовых последствий. Кроме того, определение возражения на оговорку не должно, на наш взгляд, опираться только на последствия возражения, прямо предусмотренные Венской конвенцией 1969 года.

Г-н Председатель,

Мы с большим интересом ожидаем очередного доклада проф. А.Пелле, который, как мы понимаем, будет посвящен проблеме допустимости или действительности оговорок. Намерены представить письменный комментарий по вопросу, поставленному Комиссией на сей счет.

Односторонние акты государств.

Благодарны Спецдокладчику, г-ну В.Родригесу-Седеньо, за представленный им доклад, в котором собраны многочисленные примеры односторонних актов государств. Мы считаем весьма полезной работу, начатую на прошедшей сессии Рабочей группой под председательством профессора А.Пелле, и рассчитываем на продолжение ее деятельности.

Содержание доклада, на наш взгляд, наглядно иллюстрирует широкое многообразие и неоднородность односторонних актов. Это во многом объясняет, почему Комиссии до сих пор, по сути, не удавалось продвинуться в работе над темой.

Нам импонирует идея подготовки Комиссией обстоятельного тематического исследования или обзора. Полагаем, шагом в правильном направлении является решение Комиссии на данном этапе сосредоточиться на анализе определенного круга односторонних актов, предполагающего исследование их формы, содержания, процедуры и иных обстоятельств совершения.

В целом, на наш взгляд, подтверждается, что проведение кодификации в данной области - чрезвычайно сложная и едва ли реализуемая задача. Основная проблема, с которой Комиссии в любом случае придется столкнуться, - это такое определение односторонних актов, применении которого позволило бы в каждом случае отличить односторонний правовой акт от акта чисто политического характера, не порождающего юридических последствий.

Не убеждены в том, что определение *односторонних актов* может быть дано только на основе критерия намерения государства. Он представляется исключительно субъективным. В этом смысле, как представляется, решение Международного Суда в деле о ядерных испытаниях не должно быть

безусловной основой для работы Комиссии в этой области. Многое, например, зависит и от предмета одностороннего акта. Если, исходя из содержания одностороннего акта, такой предмет может быть четко определен и носит выраженный правовой характер, то мы имеем дело с односторонним актом правового характера. Характерный пример - односторонний и определенно выраженный отказ государства от принадлежащего ему права.

В контексте изучения *критериев действительности* односторонних правовых актов заслуживает внимания вопрос о том, могут ли эти акты, как это имеет место в случае международных договоров, отступать от диспозитивных норм международного права.

В том, что касается условий изменения или отзыва обязательства, принятого государством в одностороннем порядке, хотели бы усомниться в оправданности прямой аналогии с международными договорами. Например, это касается «порога» применения нормы о коренном изменении обстоятельств, как основании прекращения обязательства.

В заключение хотели бы отметить, что с интересом ждем продолжения исследования, инициированного Комиссией на прошедшей сессии. Нам кажется, что в работе над данной темой наметилась перспектива.

Фрагментация международного права: трудности, обусловленные диверсификацией и расширением сферы охвата международного права.

В России внимательно следят за ходом обсуждения данной темы, которая, по нашему мнению, имеет прямое отношение к вопросу о путях дальнейшего развития системы международного права. С удовлетворением отмечаем, что изучение проблематики фрагментации международного права возложено на Комиссию международного права - орган, обладающий для этого необходимыми специальными знаниями и опытом.

Полагаем, что «угроза» фрагментации международного права носит, скорее, гипотетический характер, что, однако, вовсе не означает, что государствам не следует уделять данному вопросу пристальное внимание.

Позитивно оцениваем итоги обсуждения темы фрагментации на 56-й сессии КМП и в целом поддерживаем общие выводы Исследовательской группы, которые, по нашему мнению, представляют собой солидную основу для последующей работы. В этой связи позвольте выразить признательность председателю Исследовательской группы, г-ну Мартти Коскенниеми, и всем членам Комиссии, на чью работу опиралась Группа.

Хотели бы остановиться на ряде направлений работы Группы.

Как известно, особое внимание в ней было уделено обсуждению исследований, касающихся функций и сферы применения нормы *lex specialis* и вопроса об «автономных режимах», а также исследований в отношении статей 30, 31 (3с) и 41 Венской конвенции о праве международных договоров и об иерархии норм в международном праве.

Поддерживаем вывод Исследовательской группы о том, что за специальными нормами и режимами постоянно присутствует общее международное право, на «фоне» которого (background) складываются и действуют специальные режимы. Общее международное право и специальные режимы не функционируют изолированно друг от друга, а являются элементами единой системы норм международного права, которые, независимо от их специфики, обладают единосущной правовой природой.

То обстоятельство, что в ряде случаев *lex specialis* обладает преимущественной силой по отношению к *lex generalis*, не означает, что специальный режим может рассматриваться в отрыве от общего. Более того, функциональное назначение специальных норм в рамках системы норм международного права определяется именно его способностью, в зависимости от конкретной специфики правоотношения и потребностей в характере его регулирования, изменять или модифицировать действие общих норм. В свою очередь, отмена той или иной специальной нормы не ведет автоматически к возникновению пробела в правовом урегулировании, поскольку в этом случае будет подлежать применению соответствующая общая норма.

В этой связи хотели бы подчеркнуть, что ни один из существующих договорных режимов, «автономный» или «самодостаточный», включая комплекс норм в области прав человека и правила ВТО, не является автономным в том смысле, что полностью исключает применение общего международного права. Ни практика Европейского суда по правам человека (в делах *Белиос*, *Лоизиду*, др.), ни практика органов, созданных на основе универсальных договоров в этой сфере, по нашему убеждению, не свидетельствуют об их «автономности», «самодостаточности» или изолированности от общего международного права. Этот вывод, на наш взгляд, подтверждается и практикой ВТО.

Разделяем мнение Исследовательской группы в отношении того, что иерархия норм в международном праве, как правило, не ведет к его фрагментации, а, наоборот, является неотъемлемым атрибутом его целостности как системы и присущей ему внутренней структурированности. Разумеется, речь не идет о проведении прямой аналогии с нормами национального права, где существует строгая, формализованная система иерархии правовых норм. Вместе с тем, по нашему мнению, не вызывает сомнения существование императивных общепризнанных принципов и норм международного права, которые образуют «каркас» его системы и обладают в ее рамках высшим авторитетом и юридической силой. Наряду с этими принципами и нормами, имеющими характер *jus cogens,* существуют и «отраслевые» принципы международного права, сфера действия которых в основном ограничивается рамками соответствующими областей регулирования.

В части интерпретации ст.31(3)(с) Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., мы согласны с общим мнением о том, что содержащаяся в ней отсылка относится как к договорным, так и обычным нормам. Поддерживаем идею проведения дальнейшего исследования с упором на то, каким образом обычное право надлежит применять в таких случаях.

Благодарю Вас Г-н Председатель.